

Бердяев Н. Лев Шестов и Киркегор filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> приятного чтения!

Бердяев Николай

Лев Шестов и Киркегор

Лев Шестов и Киркегор

Книга Л. Шестова о Киркегоре[2], прекрасно переведенная на французский язык, - быть может лучшая из его книг. Она написана блестяще, как и большая часть книг этого автора. В ней основная мысль его выражена наиболее концентрированно и с наибольшей ясностью, если, впрочем, можно требовать ясности от мыслителя, который отрицает мысль и борется против познания. Формальный недостаток книги в утомительно частом повторении одного и того же, одних и тех же фраз, выражающих, по-видимому, самое важное для автора. Я считаю Л. Шестова очень замечательным и оригинальным мыслителем и очень ценю его проблематику, очень сочувствую его борьбе против власти "общего" над человеческой жизнью, борьбе против необходимости, его жажде свободы. Но богата и пространна лишь его отрицательная философия, его положительная философия бедна и коротка, она могла бы вместиться на полстранице. Иначе и быть не может, - то, чего он хочет, не может быть выражено в мысли и слове, это чистая апофатика. Но вместе с тем он остается на территории мышления и разума. В книге о Киркегоре я даже нахожу целую космогонию, хотя и кратко выраженную. Это все-таки конструкция ума, хотя в основании этой конструкции лежит трагический опыт жизни самого Л. Шестова и его любимых героев. Как и следовало ожидать, по книге Л. Шестова нельзя узнать самого Киркегора, узнается лишь автор книги. Киркегор - лишь прекрасный повод для развития темы, которая его самого мучит и которой он посвятил все свое творчество. Многого у Киркегора он не замечает. Но Киркегор ему особенно близок, он потрясен его судьбой, и встреча с ним для него важное событие. Л. Шестов экзистенциальный философ. Но экзистенциальная философия, т. е. философия, обращенная к субъекту, а не к объекту, не может быть только рассказом о пережитых человеческих несчастьях. Пережитая трагедия может быть источником познания, но сама пережитая трагедия не есть еще философия. Философское познание есть акт осмысливания, совершенный мыслителем в отношении к пережитой трагедии. Л. Шестов отрицает этот познавательный акт как внушение древнего змия. Но по непоследовательности он его все-таки совершает, и это его спасает как мыслителя. Трудности, которые стоят перед Л. Шестовым, когда он хочет выразить свою тему, так велики, что они могли бы сделать его положение как философа безнадежным. Он, может быть, принужден был бы умолкнуть. Но все это сглаживается в книгах Л. Шестова, и получается даже иллюзия ясности. Это объясняется литературным талантом Л. Шестова, иронией, к которой он постоянно прибегает в своем изложении, и своеобразным подкупающим лиризмом, необычайной чувствительностью, сообщающей его писаниям особенную человечность. Только на эмоциональном языке понятно то, что он говорит, на язык же интеллектуальный, который, впрочем, Л. Шестову очень свойствен, с трудом переводимо. Нельзя отделаться от впечатления, что Л. Шестов прежде всего борется с самим собой, с собственным рационализмом, собственными рационалистическими препятствиями для веры. И он хочет убедить нас, что у всех те же рационалистические препятствия, что все находятся во власти змеиного разума. Это может показаться убедительным потому, что он имеет дело почти исключительно с философами, людьми познания, и с ними борется, он не обращается к свидетелям веры. В сущности, шестовская мысль очень деспотична. Деспотичность мысли есть всегда результат двучленного деления мира и направлений мысли. Один член этого деления есть темное царство - греческая философия, Сократ, Аристотель, Спиноза, Кант, Гегель, познание, разум и мораль, обще обязательные истины, необходимость. Другой член деления есть светлое царство - Библия, вернее, некоторые слова Библии, Тертуллиан, Паскаль, Лютер, Ницше, Достоевский, Киркегор, вера, неограниченные возможности "по ту сторону добра и зла", жизнь, свобода. Для темного царства разума, морали и познания, в сущности,

спасения нет, его нет почти для всех философов, для величайших из них. Когда я читал последнюю книгу Л. Шестова, очень волнующую книгу, у меня было мучительное впечатление, что она вся построена условно и что автор не убежден в реальном существовании этого условия. Если есть Бог, то существуют неограниченные возможности, то однажды бывшее – отравление Сократа, прогрессивный паралич у Ницше, лишение невесты у Киркегора – может стать небывшим. Тогда возможна победа над необходимостью, калечащей нашу жизнь, возможна свободная и райская жизнь. Но мысль Л. Шестова носит особенно трагический характер потому, что Бог, для которого все возможно, который выше всякой необходимости и всех общеобязательных истин, остается условной гипотезой. Бог постулируется для спасения от власти разума и морали, подобно тому, как Кантом он постулировался для спасения морали. Л. Шестов силен своим отрицанием, а не своим утверждением, своей тоской по вере, а не своей верой. Книги его скорее оставляют впечатление, что последнее слово принадлежит разуму, общеобязательным истинам, морали, необходимости, невозможности освобождения от мучений для Ницше и Киркегора.

Главное для Л. Шестова вера. В этом он близок к Лютеру. Греху противоположна не добродетель, а вера. Только вера может спасти, только вера в Бога, для которого все возможно, который не связан никакой необходимостью, может вернуть Иову его быков и его детей, Аврааму Исаака, Киркегору Регину Олсен и пр. Вне веры нет спасения от власти необходимости. Но как возможна вера и у кого она есть? Читая Л. Шестова, остается впечатление, что вера невозможна и что ее ни у кого не было, за исключением одного Авраама, который занес нож над своим любимым сыном Исааком. Л. Шестов не верит, что есть вера у так называемых "верующих". Ее нет даже у великих святых. Ведь никто не движет горами. Вера не зависит от человека, она посылается Богом. Бог же никому почти не дает веры, Он не дал ее Киркегору, не дал ни одному из шестовских трагических героев. Единственный путь оказывается закрытым. Л. Шестов составил себе максималистическое понятие о вере, при котором она делается невозможной и ее ни у кого нет. Но это понимание веры не соответствует всем величайшим свидетельствам о вере в истории человеческого духа, свидетельствам ап. Павла, всех апостолов и святых, пророков и религиозных реформаторов. Для Л. Шестова вера есть конец человеческой трагедии, конец борьбы, конец страданиям, наступление неограниченных возможностей и райской жизни. Это есть ошибочное понимание веры, и для многих оно является предлогом, оправдывающим неверие. Вера есть не конец, не райская жизнь, а начало трудного пути, начало героической борьбы, которой Л. Шестов не хочет. Верующий продолжает нести на себе тяжесть мировой необходимости, разделяет тяжесть неверующих. Верующий проходит через испытания, сомнения, раздвоения. Человеческая природа остается активной, а не пассивной. Л. Шестов составил себе такое понимание веры потому, что он связывает райское блаженство с пассивностью человеческой природы. Активность человеческой природы для него есть разум, знание, мораль. Свобода получается лишь от Бога, человек тут ни при чем, он лишь пользуется и наслаждается свободой, созерцает утреннюю звезду, соединяется в любви с принцессой. Ничто так не отталкивает Л. Шестова, как героизм. Пассивность человеческой природы в отношении к Богу есть всегда одна из форм квиетизма. Л. Шестов призывает к Библии и откровению, чтобы освободить человека от власти Сократа и греческой философии, власти разума и морали, общеобязательных истин. Но из Библии берет он лишь то, что ему нужно для его темы. Он не библейский человек, он человек конца XIX и начала XX века. Ницше ему ближе Библии и остается главным влиянием его жизни. Он делает библейскую транскрипцию ницшевской темы, ницшевской борьбы с Сократом, с разумом и моралью во имя "жизни". Библия для него почти исчерпывается сказанием о грехопадении, Авраамом и Иовом. Он как будто забывает, что главная, центральная фигура библейского откровения не Авраам, а тот, кто говорил лицом к лицу с Богом, – Моисей. Но библейское откровение Бога через Моисея, которое составляет основу юдаизма и христианского Ветхого Завета, есть откровение закона, десяти заповедей. Совершенно ясно, что Моисей Л. Шестову не годится, он не его человек, он охотно его поместит в линию Сократа. А между тем, что же может быть более библейского, чем Моисей? Авраам, занесший нож над любимым сыном, и для Киркегора, и Л. Шестова есть лишь литературный образ, иллюстрирующий их тему о вере как сфере неограниченных возможностей. Образ Авраама потрясающий, но в нем открылись еще первобытные верования об умиловлении Божества человеческими жертвоприношениями.

В чем же основная идея Л. Шестова, если позволительно говорить об идеях в применении к нему? Эта идея выражена в последней книге с большим талантом и блеском, с большой силой сосредоточенности. Л. Шестов рассказывает свой миф о миротворении и грехопадении. Это целая сжатая космогония. Бог абсолютно

свободный, никакими вечными истинами не связанный, для которого всё возможно, сотворил мир и человека. И все было "добро зело". Бытие от Бога, мировая и человеческая жизнь от Бога прекрасны. Жизнь была райская. Райская жизнь была питанием от древа жизни. Но вот из бездны небытия пришел змий, и голос змия заморозил человека. Он соблазнил человека плодом с древа познания добра и зла. Знание овладевает миром, и рай кончился, начался ужас и страдание. Бездна небытия (neant) через соблазн знания превращается в необходимость (вечные истины знания), необходимость превращается в разум и мораль, разум и мораль превращаются в вечность. Л. Шестов враг вечности, видит в ней последнее превращение небытия. Вечность от змия, а не от Бога. Он также враг духа и мистики. Вечность, дух, мистика, иной мир – все это фиктивные выдумки разума вследствие потери единственной реальности этой земной жизни, сотворенной Богом. Л. Шестов враг вечности потому, что под вечностью он понимает вечные истины разума, вечные законы природы, т. е. необходимость. Ну а как же быть с вечной жизнью конкретных живых существ, вечной жизнью Иова, Сократа, несчастного Ницше, и несчастного Киркегора, и самого Л. Шестова? Вражда к этой вечности была бы признанием смерти последним словом жизни. Но какая же райская жизнь при торжестве смерти? Так и с враждой Л. Шестова к духу. Он понимает под духом разум и порождаемую им необходимость. Но под духом можно понимать свободу, освобождение от царства необходимости, и это единственное верное понимание. Как это ни странно, но у Л. Шестова можно открыть очень сильный элемент манихейства. Для него мир находится в безраздельной власти змия. Миром правит необходимость, которая есть трансформация небытия, т. е. миром правит змий, правит через разум с его непреложной истиной и добром. Нигде и ни в чем не видно, чтобы в мире действовал Бог. Бог действует исключительно через веру, но, как мы уже видели, и веры по-настоящему ни у кого нет. Свободы нигде найти нельзя. Высшая точка мировой жизни – мучение и корчи человека, отчаяние таких людей, как Киркегор. Никакого пути для Л. Шестова не раскрывается. Всякий путь принадлежит царству обыденности. Интересно вникнуть, что понимает Л. Шестов, когда говорит о Боге. В его книге о Киркегоре это почти совершенно выясняется. Бог есть неограниченные возможности, и эти неограниченные возможности нужны для исполнения человеческих желаний, для того, чтобы сделать великие несчастья, пережитые человеком, небывшими. Бог есть возвращение любимого сына Исаака Аврааму, волов и детей Иову, возвращение здоровья Ницше, Регины Олсен Киркегору, Бог есть то, что бедный юноша, мечтавший о принцессе, получил принцессу, чтобы подпольный человек "пил чай" ("миру не быть или мне чаю не пить"). Но почему Л. Шестов так уверен, что Бог абсолютно свободный (свобода Бога почти отождествляется с произволом) хочет вернуть Регину Олсен Киркегору и дать принцессу бедному мечтательному юноше? А может быть Бог этого совсем не хочет и предпочитает, чтобы Киркегор лишился невесты, а бедный юноша не получил принцессу? В этом случае тщетны надежды Киркегора и Л. Шестова на Бога. В число неограниченных возможностей Бога входит и та возможность, что Бог не хочет, чтобы Киркегор обладал Региной Олсен, а бедный юноша принцессой. Очень возможно, что это не змий, не необходимость, не разум и знание, не Гегель, а Бог лишил Киркегора Регины Олсен. Я даже позволяю себе думать, что может быть это не так уж плохо. Регина Олсен, вероятно, была самой обыкновенной мещанкой, и при счастливой семейной жизни Киркегор может быть произносил бы добродетельные пасторские проповеди и писал бы банальные богословские книги, но мы не имели бы его гениальных творений, и Л. Шестов не имел бы случая написать о нем прекрасную книгу. "Жизнь", столь пленяющая врага разума и знания, духа и вечности, совсем не такая прекрасная вещь. Бог не есть исполнение человеческих желаний. Бог, вероятно, что-то совсем другое. Да и вопрос о желаниях сложен. Один бедный юноша мечтал о принцессе. Об этом Л. Шестов тысячу раз повторяет в своей книге и на этом строит свое богопознание. Но ведь есть другой бедный юноша. Он мечтает о познании тайн бытия или о научных открытиях тайн природы. Оказывается, что Бог не может удовлетворить желаний этого юноши, их может удовлетворить лишь змий, ибо знание от змия, а не от Бога. Л. Шестов не замечает, что он этим страшно ограничивает свободу Бога и его возможности. Все у него основано на идеализации и апофеозе жизни, в этом отношении он в линии Lebensphilosophie е. Клагес, у которого нет значительности шестовской религиозной проблематики, тоже хочет исключительно питания от древа жизни и видит в духе и разуме паразитов, высасывающих соки жизни. Но жизнь есть все. Почему знание не есть жизнь? Знание есть тоже часть жизни, оно есть событие в бытии. И юноша, мечтавший о знании, не хуже юноши, мечтавшего о принцессе.

В книге о Киркегоре, быть может впервые у Л. Шестова, есть неприятные страницы о христианстве. Христианство попадает в линию Сократа, стоицизма, идеализма, т.е. в линию змия, в линию небытия, превратившегося в разум и мораль, в вечность. Л.

Бердяев Н. Лев Шестов и Киркегор filosoff.org

Шестову совершенно чужда тайна искупления, для него искупление есть выдумка разума. Он забывает, что крест был для иудеев соблазн, для эллинов безумие. Вопреки Л. Шестову, для разума легче всего признать Бога всемогущим, для которого все возможно, и очень трудно признать Бога страдающего и распятого. Для Л. Шестова ничего не говорит божественная жертва любви, божественное распятие, ему это кажется ограничением свободы и всемогущества Бога. Это у него есть наследие юдаизма. Для Л. Шестова неприемлемо вочеловечение Бога. Бог стал человеком – ему это кажется приемлемым для разума и выдуманным разумом, в то время как для разума это непостижимая тайна и парадокс. Да простит мне борец против разума, но я здесь вижу в нем рационалиста. Как это ни странно, но Л. Шестов видит в религии, особенно христианской религии, "опиум для народа", замаскированные разум и мораль, укрепляющие обыденность через обетование выдуманной вечности, выдуманного духовного мира. Остается наиболее непонятным, как решает Л. Шестов вопрос о смерти, который всегда его беспокоил. Является ли конечным существование конкретного существа? Отрицает ли Л. Шестов лишь вечные истины разума и морали или отрицает также вечную жизнь? Это основной вопрос. Как быть с бесконечными стремлениями человека? На что можно надеяться? На то, что Бог есть неограниченные возможности. Но ведь Киркегор умер, не получив Регины Олсен, Ницше умер, не излечившись от ужасной болезни и не вкусив по-настоящему плодов от древа жизни, Сократ отравлен, и дальше ничего. Все мы умрем без исполнения наших бесконечных желаний, не вкусив в полноте плодов древа жизни. Никто в рай не попадет на этой земле, в этом времени. Какой смысл имеют шестовские призывы к Богу, которому все возможно, который может избавить Киркегора от мучений, если Бог не дает воскресения к вечной жизни? Шестовская борьба против разума и этики оказывается столь же бессильной перед трагической судьбой человека, как и разум и этика. Повторяю, я бываю часто вместе с Л. Шестовым в его проблематике, в его восстании против власти "общего", выдуманного разумом и этикой, над человеческой судьбой. Но Л. Шестов проповедует пассивность человека. Человек для него греховен, но не виновен, поэтому безответствен, поэтому и пассивен. Активен лишь Бог, но Бог ничем себя не обнаруживает в мире. Знание ведь есть одно из проявлений человеческой активности. Разум может быть поработителем человека, но может быть и слугой человека. Не от знания произошло несчастье человека и мира, совсем неправдоподобно, что оно произошло от знания. Знание познает необходимость, но не оно создает ее. Необходимость есть порождение объективации. Главный философский недостаток Л. Шестова я вижу в том, что он не устанавливает различия в формах и в ступенях знания. Он также верит в кафоличность и однородность разума, как и его рационалистические защитники, в то время как разум изменчив, разнокачествен и отражает качественные состояния человека и отношения человека к человеку.

{1936}

[1] Воспроизводится по изданию 1989 г. (Типы религиозной мысли в России.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfedor.ru/> Приятного чтения!